

ВАЛЕРИЙ ПОПОВ

Две поездки в Москву

ПАЛЬМИРА
РУГРАМ

Москва / Санкт-Петербург

2 0 2 5

УДК 82-821
ББК 84(2Рос=Рус)-6
П58

Попов, В.

П58 Две поездки в Москву : [рассказы, повести] / Валерий Попов. — М. ; СПб. : «Руграм» / «Пальмира», 2025. — 555 с. — (Серия «Пальмира — проза»).

ISBN 978-5-524-02187-8

В сборник «Две поездки в Москву» вошли повести и рассказы известного ленинградского прозаика Валерия Попова, одного из ярких представителей «тихой прозы» 1970–1980-х годов. В своих произведениях автор с мягким юмором и проникновенным вниманием к мелочам повествует о героях эпохи — тех, чьи будни наполнены незаметными драмами, негромкими подвигами и кротким сопротивлением абсурду. Тонкий психологизм, живой язык и умение находить поэзию в повседневности делают эту книгу не только документом ушедшей эпохи, но и вневременным размышлением о человеке.

УДК 82-821
ББК 84(2Рос=Рус)-6

ISBN 978-5-524-02187-8

© Попов В. Г., 2025
© Оформление.
ООО «Руграм»,
АО «Т8 Издательские технологии», 2025

I

БОЛЬШАЯ УДАЧА

СРЕДИ ПИРАТОВ

В жаркий неподвижный день, когда в комнатах душно и сонно, я вышел из дома и побрел среди нагретых лопухов, блестящих сверху, а снизу мохнатых и мягких.

Я дошел до обрыва и стал смотреть на тяжелое, шлепающее внизу море, уходящее вдаль полосами — от грязно-зеленого до ярко-синего. На горизонте оно играло белым, подвижным блеском, и остров там был почти не виден. Но, сощурившись, я сумел на мгновение увидеть его. Желтый, почти круглый, а вокруг, как лепестки ромашки, держались белые корабли. Раньше их было много, весь круг, но теперь осталось только два. Скоро и они отплывут.

И тут я вдруг сказал себе: «Пора!» Оглянулся еще раз на спящий дом, на лопухи и прыгнул с обрыва, вернее, поехал по нему, по острым мелким камешкам и сухой глине. Я разгорячил и ободрал локти и, когда вошел в воду, почувствовал сначала только, как приятно и холодно локтям. Я задержался в зелени, в глубине. Становилось все светлее, и вот меня вынесло наверх, я откинул мокрые волосы, оглянулся, испугался высоты обрыва и поплыл к острову.

Я плыл долго на спине и не заметил, как оказался на острове вместе с волной, которая с шипеньем ушла в песок.

Я полежал, больно и тяжело дыша, солнце обсушило меня, слегка стянув кожу на лице. Потом я встал и направился в тот конец острова, где поднимались за деревьями высокие корабли пиратов.

Солнце село в море и осветило рыбу, водоросли и камни. Потом вдруг сразу же стемнело. Подул сильный ветер, стало сечь

песком по лицу. Штаны мои надувались, и меня несло боком, пока я не хватался за куст. Тогда я решил ползти и для утяжеления пихал в карманы тяжелые камни, которые нащупывал в темноте на мокром песке. И только утром я случайно обнаружил, что это не камни, а старая желтая кость, тяжелые медные часы и маленькое чугунное ядро.

Наконец я добрался до ступенек дома — высокого, деревянного с освещенными цветными стеклами. Тут я встал и, хрустя на зубах песком, нажал на высокую резную дверь и вошел в зал, в гомон и пар.

От двери пол поднимался постепенно вверх, и там, у задней стены, привалясь, сидел на скамейке всем известный капитан Плешь-Рояль, в одних холщовых брюках, толстый, с маленькими блестящими глазками. В ушах его раньше, видно, висели колоссальные серьги, но сейчас остались лишь огромные дыры, в которые он, отдыхая, продел свои ослабевшие руки. Один палец был забинтован, а к другому был привязан крохотный, чуть больше пальца, костыль. На столе перед Плешью-Роялем стояла кружка с кипяченым вином, поднимался пар.

Справа от Пleshь-Рояля сидел — его правая рука, его постоянный помощник — Кульчар. На нем вовсе не было одежды, но и назвать его голым было нельзя, потому что он был с головы до ног забинтован.

— Ну, — с угрозой сказал Плешь-Рояль Кульчару, прихлебывая горячее вино, — помнишь, как последний раз мы тонули? Помнишь, как ты захватил целую ножку от стула, а мы с ребятами втроем болтались на огрызке карандаша?.. Ну ладно, не будем вспоминать...

Тут, с силой придавленная ветром, хлопнула дверь. И в зале оказались три пирата, с ногами, похожими на 0, на 11 и на 22. Народу понемножку поднабиралось.

Снова хлопнула дверь, и вошли два пирата, одетые в одну тельняшку. Чувствовалось, что они ненавидят друг друга, — они толкались внутри тельняшки, тельняшка трещала, но, видно, другой одежды у них в настоящий момент не было.

— Рад вас видеть, друзья! — сказал Плешь-Рояль, поднимая кружку. — А что это там, в углу, — какой странный отблеск от лампы?

— Это не отблеск! — сказал я, поднимаясь во весь свой рост.

— Та-ак! — зловеще сказал Плешь-Рояль, вынимая из-за пояса свой старый верный «брюэль».

Так же медленно, ничуть не быстрее, я опускал высокое ружье, украшенное рыбьей чешуей, оставленное кем-то в углу.

Мы выстрелили одновременно, но промахнулись.

Тут Плешь-Рояль подбежал к моему столу и выстрелил на-вскидку. Но не попал.

Тогда он применил свой самый страшный прием: упер свой пистолет прямо мне в лоб и выстрелил. Но не попал.

— Ну-ну! — сказал Плешь-Рояль, подув в дуло своего пистолета. — А ты парень не дурак! Не испугался самого Пleshь-Рояля, самого страшного пирата на побережье!.. Мы берем тебя с испытательным сроком... На вот, подпиши!

Он протянул мне контракт, составленный на мятом старом пергаменте из-под комбижира.

После того как я подписал контракт, он снова коварно выстрелил. Но не попал.

Поздней ночью мы пришли на их, а теперь уже наш корабль.

— Завтра, все завтра, — бормотал Плешь-Рояль засыпая.

Я побродил в темноте по кораблю, ничего не понимая, и провалился в какой-то люк, из которого пахло, как из бочки с квашеной капустой. Я падал, падал и, наверно, так и заснул на лету, потому что не помню, как упал.

Утром я проснулся в трюме. Пылью, просвеченной солнцем, запахом старых стружек он напоминал большой сарай. Я приставил лестницу к люку и полез наверх.

Плешь-Рояль, видно, замерз ночью на палубе, съежился, но сейчас его пригрело, и он лежал, улыбаясь во сне.

Палуба — нестроганные доски — ходила подо мной ходуном. На корму нанесло земли, и там криво росло какое-то деревце.

Вьющийся горошек с маленькими фиолетовыми цветами с берега залез на корабль, на мачту, висел всюду.

Стояла разная мебель: табуретки, столы, атласные кресла, зеркала в рамах, прислоненные к надстройкам и мачте. Под ногами бегали куры, валялись яйца, дергались ящерицы...

Я посмотрел на то место за мысом, где стоял вчера второй корабль, — его уже не было!

— Вот черт, опять я проспал! — сказал Плешь-Рояль, оказавшийся рядом со мной. — Ушел!.. И карта клада у него! Ну ничего!

Два наших пирата, сняв свою общую тельняшку и придавив ее на палубе булыжником, прыгнули вместе в воду. Чувствовалось, что и без тельняшки они не могли быть далеко друг от друга.

Пират с ногами, похожими на 22, забросил с борта удочку и не рассчитал — тяжелое грузило утащило в воду и поплавок, и удище, и его самого. Не знаю, на какой глубине он решил наконец отступить, но вынырнул он обратно приблизительно минут через десять.

Потом мы собрались на камбузе — огромном ящике, висящем в высоком трюме, как ласточкино гнездо. Кульчар развел костер из щепок, установил огромную сковородку и сделал яичницу из ста яиц, разбивая их о край сковороды. Последним пришел Плешь-Рояль, вытер сковороду корочкой хлеба и эту корочку съел. И побрел на капитанский мостик — возвышение с перилами, видимо балкон от какого-то дома.

Первая команда капитана была неожиданной:

— Душистый горошек рас-путывай!

Мы бросились в заросли. Каждый брал себе кончик с нежным фиолетовым цветочком и начинал бегать вокруг мачты, пролезал под креслами, а потом еще долго сидел на краю палубы, отцепляя от себя тонкие зеленые кольца, пока весь длинный пружинистый стебелек не оказывался свободным. Тогда, держа его на отлете в вытянутой руке, нужно было мягко прыгнуть и выложить стебель на земле.

С горошком провозились часов пять.

Следующая команда Плешь-Рояля была:

— Кур, которых укачивает, на берег!